

Абсурдность метода

Шильман М.Е.

Харьковский Национальный университет им. В. И. Каразина

Классическое сочетание "истина « метод" кажется каноном органичной связи, если мы определяем метод - как путь к истине. Но само это определение равносильно утверждению, что истина есть, но отнюдь не доказательству последнего. Куда и как ведет метод; как и чему он служит? И нет ли необходимости добавить каплю скепсиса в пафос рассуждений о методе? Ведь метод уже нацелен, а значит он либо проверяет, либо утверждает существование истины.

Если, двигаясь избранным путем, мы достигаем поставленной цели, то это не достижение того, чему метод должен служить. Потому как служить метод должен ра-

зыканию истины, а означенная цель - это конечная цель, положенная в начале. И конструктивным следует признать проверку гипотезы о существовании истины. Равно как и то, что действенность метода заключается в его способности "промахиваться" мимо своей же цели; т.е. мимо пред-положенного, мимо заложенного императивно в начало. И если метод необходимо нацелен на то, что может быть достигнуто с некоторой вероятностью, то, будучи идеализированной "линией без толщины", погонной нормой, метод рискует сгнуться в своем же принципе.

Жизненность метода подразумевает размывание "генеральной линии", уважение вероятностного исхода поиска. Другими словами: для того, чтобы метод удовлетворял не нормально - своей цели, но всячески - сверхзадаче, ему требуется уклонение (от) самого себя. Метод становится самоуничтожением своей цели, - постоянным движением мимо. Рыском промашек. Исключением прицела и настолько выверенной траектории, что делает уже ненужной саму стрельбу. Высокое искусство пользования "сбитой мушкой", которое приводит не к поражению мишеней, но к поражению открывающимся невероятным положением вещей.

Метод - путь; и следует уточнить то, к чему он лежит. Истина как алетейя, непопаденность - это, в то же время, и истина как что-то не ускользающее. Она - не цель; цель всегда ускользает, и поэтому мы вынуждены преследовать цель. Истину же преследовать не надо, в нее нужно просто попасть. Не целя. Именно промазывая всякий раз, промахиваясь мимо ускользающего, отслеживая увертки целей, продумывая встречные (методические) уловки и ловушки для всего того, что способно вернуться и ускользнуть. Чтобы, промахиваясь мимо множества целей, попасть в истину. По счастливой случайности, вероятность которой не вычисляется.

Попаданию предшествует ожидание, но факт попадания неожидан. Он означает невозможность не упереться в истину; в то, что исключает метод и сродни концу пути в никуда и в ничто. Это "нигде-и-ничто" - истина; и путь к ней уже не нужен, ведь первый же шаг уведет прочь. Что нелепо. В том случае, если путь вовсе не оборвется, потому что: как может длиться путь в нигде и в ничто? А если он не имеет продолжения, то это не путь. Если он не действует, то он недействителен; то, к чему он невероятным образом привел - не действительно. И не действительность. В этом нет ничего странного, потому что истина - недействительна. Она не может действовать; она может быть или не быть. И если она не может действовать, то у нее мало шансов существовать. Строго говоря, для метода, который, полагая своей целью одно, рискует попасть в истинное "другое", истина не существует. Потому что если метод не постулирует истину, то он проверяет ее как гипотезу. Пытается косвенным образом доказать ее существование. Но косвенное в своем основании бесцельно.

В таком случае метод для метода - извести себя. Извод метода - это редукция дискурса до нуля, разгон мысли до полной остановки. Если мы попадаем в цель, то пиши пропало, - мы ее обуждаем, выясняем смысл и значимость этого попадания. Тем самым мы осуществляем фикцию, производя вещи и смыслы. А если упираемся в истину - бессловесны; просто "нет слов". Тут пасует и представление, и воспроизводство. Идеальный метод - самоубийца, ищущий счастливый случай, благоприятное время; он предан зону постольку, поскольку живет в постоянном преддверии кайроса. Он - граненый абсурд: при всей своей филигранной грамматике (пути, дискурса) он оказывается не чаяно изменой себе с не-самим собой. Именно оказывается-ся - оказывает себя, создает оказию себя, выступает причиной само-уничтожения, столкнувшись с невозможностью идентификации того, во что способен упереться. Т.е. будучи неспособным определить онтологический статус истины.

Метод если и может привести к истине, то ненароком, не полагая намерения ее достичь. Ведь у нас нет оснований считать, что будет найдено то, что ищется. И что ищется то, что ищешь. Как вообще можно опознать находку? Зная заранее? Но тогда выходит, что мы ищем истину, заранее зная что есть истина, а это абсурдно! А если мы ставим своей непосредственной целью нахождение истины, истины не зная, то наша цель неопределенна; и тогда следует признать, что при фиктивной цели есть

процесс ее нахождения. Нахождение как хождение и искание. Возможно, прохождение дискурса в хождении к истине.

Почему мы произвольно полагаем "что есть истина" как будто знаем, что она есть? Не для того ли, чтобы поставить цель и не стоять на месте в недоумении, в неумении полагать; чтобы проложить действенный путь к фиктивному, ориентируясь на силу практического интереса. И, поступив так, положиться на шанс сбиться с пути, отбиться от дискурса, опротестовать свое же полагайте и ощутить непотаенное неведомое. В нечто, не имеющее предикатов, а потому онтологически незыблемое и апофатически совершенное. Утвержденное единственно в невысказываемости себя, лежащее вне компетенции рассудка, в безвоздушном пространстве безрассудства разума. В таком случае метод - это грозное оружие, которое, будучи хладнокровно нацелено в даль, способно вопреки здравому смыслу угодить в истину, ожидающую за ближайшим углом.

В одну из тех истин, что ложится в основание метода.